

Аmineva B. P. Топос Казани в русскоязычной поэзии конца XX — начала XXI веков : особенности функционирования и поэтика / В. Р. Аминаева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 177—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192.

Amineva, V. R. (2020). Topos of Kazan in Russian Poetry of the Late XX — Early XXI Centuries: Features of Functioning and Poetics. *Nauchnyi dialog*, 11: 177-192. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192. (In Russ.).

УДК 82-1+821.161.1“197/201”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-177-192

ТОПОС КАЗАНИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПОЭТИКА¹

© Аминаева Венера Рудалевна (2020), orcid.org/0000-0003-4016-2242, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Россия); ведущий научный сотрудник отдела литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва, Россия), amineva1000@list.ru.

Рассматривается вопрос, связанный с особенностями функционирования «казанского текста» в творчестве Р. Кутуя, Р. Бухараева, Э. Блиновой и Л. Газизовой. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом ученых к таким типам дискурса, как сверхтекст. Автор исходит из того, что поэтика художественного пространства связана с типами формирующихся в лирике поэтов субъектно-образных структур. Новизна исследования видится в том, что выделены типы диалогических отношений лирических субъектов с городом. Показано, что Казань в произведениях поэтов воплощает надличностное и «внеаходимое» по отношению к основной лирической ситуации и ее героям начало. Сделан вывод о том, что в поэзии Р. Кутуя создается многогранный образ города, с которым у лирического героя устанавливаются отношения единства и взаимопроникновения. Подчеркивается, что в произведениях Р. Бухараева отношение к родному городу носит амбивалентный характер и отражает «текучесть», изменчивость позиции «я». Представлены результаты сопоставительного анализа лирики Э. Блиновой и Л. Газизовой: Казань в произведениях Э. Блиновой — обобщенно-типический образ, объективирующий этапы биографии героини; урбанистический мир Л. Газизовой предельно конкретен и осмыслен как индивидуально-личное пространство жизнебытия.

Ключевые слова: городской текст; хронотоп; субъектная сфера; Р. Кутуй; Р. Бухараев; Э. Блинова; Л. Газизова.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

1. Введение

В литературоведении активно исследуется такой тип дискурса, как «городской текст», который имеет определенные характеризующие его языковые маркеры, воспроизводимые в культуре на протяжении длительного времени. Тот или иной топоним, обладающий символическим значением, претендует на статус текста. И Казань в этом плане не исключение. Казанский текст как одна из разновидностей городских текстов имеет длительную историю формирования как в русской, так и в татарской литературах и исследуется в современном литературоведении в разных аспектах: мифология Казани в прозе А. Хаирова рассматривается как «иноэтнокультурная составляющая русской литературы» [Шафранская, 2014]; выявляются наиболее значимые семантические константы Казани как зоны вечного фронта — места встречи Востока и Запада — в произведениях В. Попова, А. Сахибзадинова и др. [Зайнуллина, 2019]; сопоставляется поэтическое воплощение Казани в творчестве Р. Бухараева и Л. Григорьевой [Галимуллина, 2017]. В данной статье впервые предпринимается попытка выделить формирующиеся в творчестве русскоязычных поэтов типы субъектных ситуаций и соответствующие им образные структуры. Решение данной задачи представляется значимым для определения ценностно-смысловых оснований топоса Казани как сверхтекста, особенностей его функционирования и поэтики.

Материалом исследования стали произведения Рустема Кутуя (1936—2010), Рагиля Бухараева (1951—2012), Эльмиры Блиновой (1955—2013) и Лилии Газизовой (р. 1972), посвященные Казани. Творческая индивидуальность Р. Кутуя рассматривается учеными как явление литературного (культурного) пограничья, определяются основные темы, образы и мотивы его произведений [Небольсина, 2012]. Личность и творчество Р. Бухараева также привлекали внимание критиков и литературоведов. Одни ученые вписывают его поэзию в контекст русской литературы [Бондаренко, 2011]; другие говорят о его «множественной идентификации» [Ибрагимов, 2016, с. 43]. Практически неисследованной остается лирика Э. Блиновой и Л. Газизовой.

Обращение к наследию именно этих поэтов объясняется тем, что в их творчестве отразились основные тенденции в развитии субъектных отношений и сложились характерные для региональной русскоязычной поэзии типы художественных целостностей. В творчестве Р. Кутуя диалог традиций и разных культурных кодов направлен к их синтезу в целостный образ мира и человека. В поэзии Р. Бухараева, напротив, создается разомкнутая, незавершенная, ризоматическая картина действительности, соответствующая нестабильной, изменяющейся позиции лирического субъекта. «Город-

ская» лирика Э. Блиновой и Л. Газизовой репрезентативны с точки зрения способов развития темы и развертывания лирического сюжета, связанного в одном случае с обобщением и универсализацией ситуаций и душевных состояний, в другом — с конкретизацией, подчеркиванием их единичности и неповторимости.

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, в которых обосновывается диалогическая природа художественного творчества [Бахтин, 1986], раскрываются художественно-эстетические особенности русскоязычной составляющей литературного процесса [Лейдерман, 2005] и в целом литературы, реализующей феномен культурного пограничья [Berry et al., 1999; Anzaldúa, 2012; Тлостанова, 2008]. На концепцию проводимого исследования оказали влияние структурно-семиотические теории отечественной и зарубежной науки, посвященные категориям художественного пространства, текста и сверхтекста [Барт, 1994; Лотман, 1996; Леви-Стросс, 2000; Меднис, 2011]. Методика анализа произведений опирается на установленные в теории литературы принципы организации субъектной сферы произведений, характерные для поэтики художественной модальности [Бройтман, 2001; Корман, 2006].

2. Нераздельность «я» и города в лирике Р. Кутуя

В стихотворениях Р. Кутуя Казань предстает как город, имеющий тысячелетнюю историю, обладающий неповторимым обликом. Казань для лирического героя — это и ценностное пространство, в котором ему дороги озеро Кабан, Булак, Суконка: *Спит озеро во льдах воспоминаньем. / Кружат, кружат лета восколыханьем. / Небесною полон запахнут город древний, / Вокруг белым — бело, и тем напевней. / Что скажут имена: «Кабан», «Булак», «Суконка» — / По грудь заметена, а дышится как звонко!* [Кутуй, 2006, с. 20]. Центру Казани («башням») противопоставляются городские окраины, связанные с детскими годами и молодостью поэта: *Я и башен твоих боюсь, / Как перстней, / Забродивший в окраинах Одиссей. / Не было в моей жизни / Земли прелестней* [Там же, с. 12]. Вместе с тем образ Казани, не теряя своей самостоятельности, получает мифологический и символический смысл. Казань в лирике Р. Кутуя не только объект изображения, но и субъект, причем субъект особого типа, занимающий по отношению к «я» позицию «внеаходимости» и внежизненной активности. Диалог с этим сверхсубъектом выполняет структурообразующую функцию в произведениях поэта, раскрывая самосознание и самоопределение его лирического героя.

В поэзии Р. Кутуя создается синкретический образ города: Казань одновременно и женщина-мать, и природа, и стихия-жизнь, и история. Для лирического субъекта она прежде всего мать и кормилица, по дряблым щекам которой катятся горькие слезы: *Ты меня вынянчила, сердобольная, — Не из грязи в князи! — / Я в твоём подоле / Кулек завязанный / На чёрный день. <...> Каждой оспинке рад / На щеке дряблой, / Когда осень с оград / Катит солнышки яблочек* [Там же, с. 27]. В стихотворении «Март» Казань выступает в лике молодой женщины-красавицы: *Шумит Казань, берёзовая, / Бирюзовая, / Не «старая», «не коса», / От румянца розовая. / В марте беленький фартук / Не сбросит, / Не расчешет роскошные косы, / Не усталая, не постаревшая, / Проблещает откосами / Безунывная женщина ...* [Кутуй, 1993, с. 18]. В «Акварелях» создаются два образа Казани — старой, «горбатой» и новой, «приосанившейся» [Кутуй, 2006, с. 384].

Важна природа устанавливающихся между «я» и Казанью отношений — они имеют бытийно-субъектный характер единства и взаимопроникновения: *Казань-прародительница, / и корой пожухлой / не вычесть меня из тебя* [Там же, с. 24]. Неизменным атрибутом создаваемого в творчестве поэта образа Казани является определение *моя*, выносимое и в заглавие стихотворений («Моя Казань! — сказать имею право ...»), «Моя столица»). Оно указывает на принадлежность города лирическому герою. Из Казани-прародительницы он черпает жизненную и творческую энергию: *Пожить бы подольше, ох, хорошо бы! / Не зажиться, нет, а сполна исполнить / Желание, веру, выцвести до кожурки, / Замешать в огнедышащем полночи, полдни, / Запахнувшись прекрасным и жутким* [Там же]. Мотив родства человека и топоса, пронизывающий стихотворения поэта о Казани, ведёт героя к открытиям экзистенциально-личного характера. Он ощущает себя сиротой вдали от родины, осознаёт свою «нераздельность» с городом: *Зачем я здесь на земле чужой / Тоскую, зализываю трещины неустанно, / Сам лихорадка и чёрный ожог? / Не могу без тебя, Казань!* [Там же, с. 25].

Стремление «я» слиться с Казанью-природой-историей-прародительницей обуславливает появление ряда субъектных метаморфоз, имеющих однонаправленный характер и выявляющих пластичность лирического субъекта, находящегося в процессе постоянного пересоздания собственного «я». Отождествляясь с природной сущностью города, «я» превращается в осенний лист и вовлекается в вечный круговорот гибели и возрождения: *Я в тебе, Казань, / раскружился весь, / как лист в осени. / Сгорел. Народился заново. И опять жадно / Врезал ладошку пятпалую в синь ... / Не могу без тебя, Казань!* [Там же, с. 24].

Субстанциальное родство лирического героя и Казани проистекает из одинаковой причастности и города, и человека феномену границы — месту встречи Запада и Востока. Их территориальное схождение, исполненное драматической напряженности, развивается в экзистенциальную ситуацию, переживаемую «я»: *Будто оказался / Я на месте лобном, / Весь открыт, распахнут — / Встретились, очнулись / Вдруг Восток и Запад! / Травы затаились, / Воды застеклились* [Там же, с. 13].

В Казани в разное время года и в разных ее состояниях актуализируется то восточное, то западное начало. Например, весной на первый план выходит стихия Востока: *Казань вдруг расцвела тюльпанами Востока. / — Дай, дядя, дай! — / Мне Азия протягивает руку, / Себя стесняясь. — Дай!* [Там же, с. 229]. Но чаще «западное» и «восточное» гармонично сочетаются и взаимодополняют друг друга, что выражается, например, в сосуществовании казанских топонимов на русском и татарском языках: *Эй, Суконка, скажи! / Адмиралтейство, / Откликнись! / Я пролистываю этажи, / Миги — лики. Отворяю калитки ... / В Бишбалте / Утонул топор в воде ... / (Шурале не подглядел?)* [Там же, с. 16], в интертекстуальных связях с произведениями татарской, русской, европейских литератур (упоминаются образы Шурале, Сююмбике, Светлана Ярославна, Одиссей, «коленкор Фета» и др.), в соединении контрастных зрительных и слуховых впечатлений, отсылающих к разным традициям (например: *Я свеж, помыт, — / Я баней пахну! / Примолк, не успеv и ахнуть ... / То арфой зазвучит / А то — кураем / с парома ...* [Там же, с. 7]).

Ценностно-смысловые грузозоры Запада и Востока приняты лирическим героем в себя как две его интенции. Оказавшиеся в одном, хотя и внутренне диссонирующем ряду, они в той или иной мере сохраняют свою ощутимую «другость» для «я». Эта коллизия вызывает превращение субъекта речи из зрителя, внеположного бытийной ситуации, в активное действующее лицо драматического взаимодействия двух противоположных начал — Запада и Востока, — своей судьбой реализующего их диалогическую взаимодополнительность: *Кто простит мою память, / запекшийся кровью висок, / когда стукнулись лбами / Запад — Восток, / обнищанье — богатство, / а искры прошли сквозь меня ...* [Там же, с. 17]. Образ Казани, созданный в поэзии Р. Кутуя, определяет и культурную идентичность лирического героя, и его «я» как индивидуально неповторимой личности.

У Р. Кутуя с Казанью связывается много кардинальных, острейших вопросов, занимавших общественную мысль 2-й половины XX и начала XXI веков: исторические пути движения нации, взаимосвязь западного и восточного начал, историческое прошлое города и его настоящее и др.

Поэт показал многогранный облик Казани, находя для каждого свой жанрово-стилистический ключ: здесь и элегический тон, связанный с мотивом воспоминаний, и торжественный гимн славе, красоте и величию города, и исповедальность, сопряженная с глубоко личными переживаниями лирического героя.

3. Диалог «я» с городом в лирике Р. Бухараева

Казань, центральный образ цикла «Казанские снега», вызывает у лирического героя поэта противоречивое отношение — притяжение и отталкивание, любовь и ненависть: *Я его¹ понимаю, потому и виню, я его прокливаю, / оттого что люблю* [Бухараев, 2011, с. 64]. Так же, как и в лирике Р. Кутуя, Казань в произведениях Р. Бухараева выступает в субъектных формах. Лирический герой цикла «Казанские снега» выстраивает разные типы диалогических отношений с городом, в котором перемешано «свое» и «чужое». «Чужое» в нем осознается с позиций сопротивления официальной идеологии и распространяется на новый облик города: *Как он стал неприметен, / непривычен и нем, / город маленьких сплетен, / самодельных богом* [Там же]. «Своим» оказывается пространство за Казанкой: *За рекою Казанкой, / где ивняк и луга, / ослепительно ярко / засияли снега, / и легка, и морозна, / в синеве января / жизнь струилась, как воздух, / обтекая меня ...* [Там же, с. 63]. Между «я» и природой возникает связь особого рода: соположение человека и «жизни-воздуха» оборачивается их субстанциальным единством. Находясь внутри изображаемого локуса-стихии, лирический герой одновременно сохраняет и позицию «внеаходимости» по отношению к нему, позволяющую увидеть свои границы и осознать свое «я» как онтологически целостной личности. Наряду с «сияющими снегами» «своими» для лирического субъекта Р. Бухараева являются коды татарской национальной культуры: *Навсегда б одурело / я рванулся в бега, / если бы кровь не горела, / не сияли снега, / если б там, где могила / мелководной реки, / не сверкала бы сила / Тафтиляу, / Аллюки!²* [Там же, с. 64].

В венке сонетов Р. Бухараева «Милостыня родного языка», включенном в сборник «Казанские снега», отразились глубоко драматические переживания личности, связанные с утратой родного языка и острым чувством своей оторванности от родного края. Символом утраченной родины, по которой тоскует лирический герой, становится лист смородины: *Не ты ли манишь звоном родника, / отчизна? Запеклись мои уста. / Вдохнуть бы запаха раннего листка / смородины — с вечернего куста ...* [Там же, с. 346].

1 Речь идет о городе.

2 Тафтиляу, Аллюки — народные песни на слова Г. Тукая.

Универсальные образы-символы: «белый сад», «стайка яблонь», «деревянный дом» и другие, — приобретают для лирического героя экзистенциальную значимость и формируют философско-метафизический пласт текста. Они репрезентируют мышление «пространством» как особый способ преодолеть отчужденность от родины и восстановить связь с ней, что является необходимым условием гармонического бытия личности.

Основой главного лирического события, объединяющего 14 сонетов в единое целое, становится приобщение к своим истокам, корням, воссоединение с родиной. В последнем сонете лирический герой возвращается на родину, но не преодолевает внутреннего отчуждения от своих соотечественников (*Шум недоверья и злословья шум / меня встречают в отчей стороне* [Там же, с. 347]), мучительного чувства вины (*Я по родной стране, как по терне, / иду с повинной, и мутится ум* [Там же, с. 348]).

Образ дороги в цикле имеет и конкретный, и метафорический характер, отмечая пределы жизненного пути человека: *Ушел я молодым — пришел седым* [Там же]. На духовный путь лирического субъекта проецируется антитеза памяти и забвения. С одной стороны, он констатирует: *Немая память предана стократ* [Там же, с. 340]. С другой стороны, конкретные приметы родной природы и быта, постоянно присутствуя в памяти героя, выводятся за пределы времени и утверждаются в своем абсолютном и вечном значении: *... глаза закрою — вижу: белый сад, / над стайкой яблонь блещут облака* [Там же, с. 341]. Таким образом, память становится той основой, которая не только скрепляет разрозненные эпизоды человеческой судьбы, но и воссоединяет распавшиеся органические и духовные связи.

Цикл пронизан интертекстуальными связями с поэзией Г. Тукая, прежде всего со стихотворениями «Туган тел» («Родной язык», 1909), «Милли моннар» («Национальные мелодии», 1909), которые Р. Бухараев переведил. Образы лежащего на дне озера Кабан заветного клада и силача Карахмета в пятом сонете отсылают к поэме «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» («Сенной базар, или Новый Кисекбаш», 1908). Возникает тема творческого соревнования с великим предшественником, из которой рождается драматическая коллизия этого сонета: лирический герой констатирует: *С Тукаем не сравниться никогда ...*, но в то же время продолжает верить в силу своего творческого дара: *Но погоди пловать в мои труды: / есть жемчуга под толщею воды ...* [Там же, с. 342].

В двенадцатом сонете, связанном со стихотворением «Национальные мелодии», Р. Бухараев вслед за Г. Тукаем дает свою художественно-эстетическую трактовку одного из национально-специфичных концептов татарской культуры: *Татарская печаль — она сладка. / Татарская печаль — она*

чиста [Там же, с. 346]. Но если в стихотворении «Национальные мелодии» устанавливается бытийно-субъектное единение «я» и «мы», лирический герой концентрирует в своем внутреннем мире эмоционально-психологический опыт «мы» народа, то у Р. Бухараева свойственный его предшественнику субъектный синкретизм разрушается. «Я» и «отчизна» («ты»), к которой лирический герой обращается с вопросами, образуют не одну, а разные целостности. Функцию скрепы национального бытия начинает выполнять не язык, а то, что способно в условиях утраты языка выразить устойчивые, экзистенциально значимые переживания и душевные состояния народа: *А на казанских стогах испокон / ночные плачи, предрассветный стон / в ушах — взамен родного языка* [Там же, с. 347]. *Ночные плачи, предрасветный стон* рождают в душе лирического героя чувство сопричастности национальному. В сонетном цикле Р. Бухараева отражено мучительное усилие лирического субъекта преодолеть отчужденность от своих корней, обреченность на жизнь без родины, на непонятность соотечественниками: он готов взять на себя изнурительный духовный труд памяти, чтоб *возродить узорных строчек лад* [Там же, с. 344], делиться всем, что *бездомная душа с чужбины принесла с собой, / что слышала, дыханье затая, в чужих наречьях — в музыке чужой* [Там же, с. 345].

В венке сонетов «Милостыня родного языка» лирический субъект Р. Бухараева отождествляется с эмпирическим субъектом как индивидуальным носителем сознания. Вместе с тем он выступает и как носитель родового сознания той части этноса, в которой произошла смена ее языковой составляющей. Не владея языком этноса, он пытается идентифицировать себя с ним по другим параметрам: вступает в диалог с поэзией Г. Тукая, развивает и продолжает его традиции на уровне тем, мотивов, образов; осознает свою причастность к топосам национальной культуры (Казань, озеро Кабан, Булак, Булгары) и стихиям национального бытия; объединяет себя с соотечественниками по религиозным убеждениям. Однако этой тенденции противостоит другая, связанная с глубоким интимно-лирическим переживанием незнания языка и непреодоленной отчужденностью от соотечественников.

Символом «текучей», постоянно перестраиваемой и вечно странствующей идентичности лирического героя Р. Бухараева становится образ бесконечного поезда, возникающий в одноименном стихотворении. Сфера субъективности здесь предстает и как не имеющая границ (*поезд мой бесконечный*), и как сосредоточенная в атрибутивном для образа Казани в творчестве поэта хронотопическом образе снега (*снег мой*). Ситуация встречи и расставания с Казанью, приближения к ней и отдаления от нее

здесь модальны, а сознание лирического субъекта локализуется между этими двумя пределами и раскрывается через топологическую оппозицию «устремленности — опустошенности». Движение, устремленное к Казани, соотносится с историческим временем и связывается с приобщением к исторической судьбе города: *Призываю тебя, / пролетая навывлет лесами, / призываю, зову, / пополам разрезая поля ... / Поезд мой бесконечный, / и тысяча лет до Казани, / зимняя тысяча лет от “нельзя” до “нельзя” ...* [Там же, с. 82].

Момент обретения родины маркируется семантикой пустоты: *Ничего не находим, — только березы чисты, — / а когда на перроне конечном / выходим — / через двадцать минут мы, / как поезд прибывший, / пусты* [Бухараев, 2011, с. 82]. Смещение пространства от заполненности к пустоте, а времени в тысячу лет к двадцати минутам соотносится с внутренним состоянием лирического героя, переживающего свое трагическое несовпадение с тем местом в мире, которое отведено ему судьбой. Пустота как «потенцируемая» возможность оказывается порождающим началом: она вызывает иной тип перемещения в пространстве: *День и ночь, день и ночь, день и ночь — / как знакомо! / От себя, от себя, от себя — / нескончаемый бег* [Там же]. Смена дня и ночи обозначает малый цикл и мирового времени, и времени жизни отдельного человека. Бегство от себя размыкает это циклическое, круговое движение, характерное для эпически замкнутой картины мира, вектором линейного времени и центробежной направленностью пути. Желание обрести личную идентичность, совпадающую с топосом города, сменяется демонстративным отказом от себя. Открытое пространство, не имеющее внешних пределов, актуализирует идею бесконечного, которая в данном случае соотносится с неопределенностью места «я» в социуме, истории, народной судьбе.

4. Казань в судьбе лирических героинь Э. Блиновой и Л. Газизовой

Иначе выстраивается диалог с городом в творчестве Э. Блиновой: мало интересуясь историко-культурным аспектом темы, она углубляет интимно-личную трактовку города. Для ее лирической героини Казань не только культурная столица с историческими памятниками, отмеченными «в путеводителе любом», но и особое пространство, с которым связаны «заметы памяти»: старый дом, скамейка, старый клен с изрезанной короной, тесный двор, фонари, но то, что скрыто за ними, — известно лишь ей и делиться этим она не желает: *Что знаю я о городе моём? / Его красоты, памятники, виды, / все достопримечательности в нем, / которые ни от кого не скрыты?.. / Да — и они ... Но есть другие виды, / что незаметны и незна-*

менты [Блинова, 2020]. В отличие от аксиологической системы Р. Кутуя ценность топологических примет в лирике Э. Блиновой определяется их причастностью к миру «я». «Мои деревья, улицы, дворы» противопоставляются «проспектам, зданиям, музеям».

Город перестает быть пространственно и духовно целостным образованием и распадается на ряд значимых для лирической героини локусов, с которыми отождествляются этапы ее биографии: мостовая — детство; угол дома — юность; сад — время материнства; школа, куда она отводит сына, — пора зрелости: *На этих мостовых играла в классы, / здесь, на углу, любимого ждала, / гуляла в этом садике с коляской, / а в эту школу сына отвела ...* [Там же]. Таким образом, лирическая героиня Э. Блиновой осознает свое «я» по отношению к городу как к пространству своего бытия. В хронотопе Казани акцентируется его жизнеохватывающая длительность.

Иная тенденция проявляется в лирике Л. Газизовой. Стихотворение «Казанские улицы» из цикла «Нелепый город» выдержано в стиле топографически точного описания улиц Кирова и Тукая, с которыми связано детство и юность героини. Но в этот насыщенный биографическими реалиями «городской текст» внедряется условно-поэтический язык: улица Тукая трансформируется в поэта Тукая: *По Тукая трамваи ходили... / <...> / Как в моем городе / Все связано с Тукаем — / И детство, / И юность ...* [Газизова, 2013, с. 38]. Мотив родства с городом, выраженный «простым» (нестилевым) словом, поддерживается культурно-исторической реминисценцией, которая вводит тему творческой и «генетической» памяти.

В отличие от условно-обобщенных примет городского ландшафта в лирике Э. Блиновой, в стихотворениях Л. Газизовой детали конкретно ситуативны: случайная встреча у Черного озера («Время и пространство»), оставленная в кофейне на Лобачевского дымящаяся сигарета («Одинокая сигарета»), бредущая по ночным кварталам Казани усталая женщина («Не спать!»), лирическая героиня, пытающаяся понять и простить родной город и путешествующая по его старым улицам и улочкам, трогающая шершавые камни башни Сююмбике, стоящая у памятника Мулланура Вахитова («Ключ»). Описанная в каждом из этих произведений индивидуально-неповторимая ситуация предстает как одна из возможных, и ее разрешение остается неопределенным. Например, неизвестно, куда спешил бросивший все на свете человек, что случилось с ним и успел ли он *добежать / До любви, / До рассвета, / До чуда...* («Одинокая сигарета») [Там же, с. 32].

Вероятностно-множественная модель мира и статуса человека в нем становится образной проекцией трагически переживаемого лирической героиней отчуждения от себя как от личности. В миниатюре «Настроение»

субъект речи тематизирует мифологический мотив превращения живого в неживое, органического в неорганическое, человеческого в природное, единичного во множественное, достигая авторефлексивной «внеаходимости» по отношению к себе: *Стать стрелкой на часах / Казанского Кремля. / Клавишей delete / Мирового компьютера. / <...> / Чем угодно, / Лишь бы не Лилей Газизовой* [Там же]. Превращение «автора» в «героя» означает не «смерть автора», а укоренение его в позиции самоотречения, провозглашаемой как выстраданная необходимость. В лирике Л. Газизовой нет отстраненности субъекта речи от первичного автора, надкругозорная точка зрения обозначается как правило переходом говорящего с внутренней точки зрения на внешнюю: от «я» к внеличной форме выражения авторского сознания.

В творчестве Э. Блиновой обращает на себя внимание стремление заменить механически-технический мир города органически-природным. Выразительным примером может служить стихотворение «Городские деревья», субъектно-образная архитектура которого основана на взаимоотражениях природного и человеческого планов. Лирические персонажи обозначены как «она» и «он». Но «она» превращается в «я», «он» заменяется на «ты»: *“Возвращайся скорей! / Я старею, / Тебя ожидая!”* [Блинова, 2020]. Использование взаимозаменяемых местоименных форм вносит в изображаемый мир подвижность и относительность, подготавливая главную субъектную метаморфозу: превращение городских деревьев в людей, людей — в деревья: *“До свиданья!” — / она говорит, / и он говорит: / “До свиданья”. / Городские деревья трепещут: / “До увяданья ...”* [Там же]. В этом контексте расставание и увядание семантически эквивалентны как проявление нерасчлененной стихии жизни.

Урбанистический мир Л. Газизовой принадлежит главным образом ночной сфере и складывается из знаков, образующих текст судьбы. Стихотворение «Город», посвященное Казани, пронизано мотивом движения как поиска пути, в котором ориентиром выступают звезды: *Я прохожу по площадям, / Молчащим и глухим, / По звёздам путь свой находя / Среди лампочных светил* [Газизова]. Город не противопоставляется природе, а органично вмещает ее в себя. В целом параллелизма «звезды — фонари» входит, делая его трехчленным, и лирическая героиня: *И так мне хорошо в ночи, / Всему и всем чуждой, / Дрожащей как огонь свечи / От свежести ночной* [Там же]. Субъекты соположения: звезды, фонари, огонь свечи, объединенные семантикой света, — символизируют связь между небом и землей, микро- и макрокосмосом. Этот универсум, ориентированный по вертикали и горизонтали, гармонизирующий визуальные (свет — тьма) и аку-

стические (*безмолвие шагов — звон далеких фонарей*) энергии, стирающий границы между днем и ночью (*Я сплю весь день, а ночью жгу / Свои дневные сны*), осмысливается как индивидуально-личное пространство жизни-бытия лирической героини: *Где крови две в одну слились, / Где звезды небо рвут, / Где ветры мне в любви клялись, / В том городе живу* [Там же].

5. Заключение

В произведениях Р. Кутуя, Р. Бухараева, Э. Блиновой и Л. Газизовой топос Казани предстает как динамичное и многомерное пространство, структурируемое семантическими оппозициями: центр — периферия, западное — восточное, «свое» — «чужое», весна — осень, прошлое — настоящее, день — ночь, сон — явь и др. Значимыми в создании образа города являются характерные для творчества каждого из поэтов лейтмотивы и примыкающие к ним мотивные парадигмы, интертекстуальные связи и образные схемы.

В диалоге с городом как сверхсубъектом особого типа лирические герои Р. Кутуя и Р. Бухараева осмысливают свой уникальный жизненный опыт. В поэзии Э. Блиновой город — обобщенно-типический образ, аксиологическая содержательность которого определяется способностью переводить в пространство и объективировать значимые события личной жизни героини, этапы ее биографии. В лирике Л. Газизовой топографически точные описания Казани пронизаны откровенно личной интонацией, превращающей саму эту описательность в косвенный язык для выражения состояний души. Элементы городского ландшафта семиотизируются и прочитываются как знаки судьбы.

В русскоязычной поэзии хротоп города выполняет не только универсально присущую ему миромоделирующую функцию, но и вовлекается в процесс самоидентификации лирического субъекта. В лирике Р. Кутуя Казань символизирует одинаковую причастность лирического героя к традициям и русской, и татарской культур. В произведениях Р. Бухараева отношение к родному городу носит амбивалентный характер (притяжение и отталкивание) и раскрывает мучительное переживание лирическим героем поэта кризиса своей идентичности. В лирике Э. Блиновой отразилось самосознание женщины-горожанки с глубоким внутренним миром, утонченными переживаниями, страдающей от безответной любви и обреченной на одиночество. Топос города лишен в ее стихотворениях этно-национальных свойств. Лирическая героиня Л. Газизовой отождествляется с эмпирическим субъектом как индивидуальным носителем сознания, предстает как неповторимо-личное «я», не совпадающее с собой, пристально вглядывающееся в границы не только «я» и «другого», но и «я» и мира, «я» и города.

Источники

1. *Ахунова Н.* Ухожу. Ушла. Уже в дороге ... Поэт Эля Блинова / Н. Ахунова // Стихи. ру. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2013/08/09/9533> (дата обращения 06.05.2020)
2. *Бухараев Р. Р.* Избранные произведения : Книга стихов / Р. Р. Бухараев. — Казань : Магариф — Вақыт, 2011. — 415 с. ISBN 978-5-85247-493-3
3. *Газизова Л. Р.* Город / Л. Р. Газизова // Лента Казани. — Режим доступа : <http://www.1000kzn.ru/article/ru/61/73/> (дата обращения 10.09.2020)
4. *Газизова Л. Р.* Люди февраля / Л. Р. Газизова. — Москва : Воймега, 2013. — 60 с. ISBN 978-5-7640-0137-1.
5. *Кутуй Р.* Песня вечерняя : стихи / Р. Кутуй. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 264 с. ISBN 5-298-00999-9
6. *Кутуй Р.* Профиль ветра : стихи / Р. Кутуй. — Казань : Татарское книжное издательство, 2006. — 383 с. ISBN 5-298-03993-6

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс. Универс : Рея, 1994. — 615 с. ISBN 5-01-004408-0
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
3. *Бондаренко В.* Славянский подвой к тюркскому дичку / В. Бондаренко // Бухараев Р. Р. Избранные произведения : Книга стихов. — Казань : Магариф — Вақыт, 2011. — С. 373—389. ISBN 978-5-85247-493-3
4. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 320 с. ISBN 5-728100400-2
5. *Галимуллина А. Ф.* Образ Казани в творчестве Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой / А. Ф. Галимуллина // Научный Татарстан. — 2017. — № 3. — С. 64—72. ISSN : 1683-6537
6. *Зайнуллина Г. И.* Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) / Г. И. Зайнуллина // Нева. — 2019. — № 3. — С. 208—219.
7. *Ибрагимов М. И.* Хронотоп и идентичность (на примере цикла стихов Равиля Бухараева «Казанские снега») / М. И. Ибрагимов // Литература в школе. — 2016. — № 6. — С. 41—43. ISSN 0130-3414
8. *Корман Б. О.* Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. — Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. — 552 с. ISBN 5-93972-516-3
9. *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму. — Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. — С. 121—152. ISBN 5-01004663-6
10. *Лейдерман Н. Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур / Н. Л. Лейдерман // Русская литература XX—XXI веков : направления и течения. Екатеринбург, 2005. — Выпуск 8. — С. 48—59.
11. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. ISBN 5-7859-0006-8

12. *Меднис Н. Е.* Поэтика и семиотика русской литературы / Н. Е. Меднис. — Москва : Языки славянской культуры, 2011. — 232 с. ISBN 978-5-9551-0482-9
13. *Небольсина М. В.* Творческая индивидуальность Рустема Кутуя : проблемы эволюции : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / М. В. Небольсина. — Казань, 2012. — 200 с.
14. *Тлостанова М. В.* От философии мультикультурализма к философии транскультурации / М. В. Тлостанова. — Москва : РУДН, 2008. — 251 с.
15. *Шафранская Э. Ф.* Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова / Э. Ф. Шафранская // Вестник Северного (Арктического) федерального университет. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 95—103. ISSN : 2227-6564
16. *Anzaldúa G.* Borderlands / La Frontera : The New Mestiza / G. Anzaldúa. 4th ed. — Aunt Lute Books, 2012. — 312 p. ISBN-13 : 978-1879960749; ISBN-10 : 1879960745
17. *Berry E.* Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. Berry, M. Epstein. — New York : St. Martin's Press, 1999. — 340 p. ISBN 978-1-349-42157-2

TOPOS OF KAZAN IN RUSSIAN POETRY OF THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES: FEATURES OF FUNCTIONING AND POETICS¹

© **Venera R. Amineva (2020)**, orcid.org/0000-0003-4016-2242, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia); Leading Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWLI RAS) (Moscow, Russia), amineva1000@list.ru.

The article deals with the issue related to the peculiarities of the functioning of the “Kazan text” in the works of R. Kutui, R. Bukharaev, E. Blinova and L. Gazizova. The relevance of the study is due to the growing interest of scientists in such types of discourse as supertext. The author proceeds from the fact that the poetics of artistic space is associated with the types of subjective-figurative structures that are formed in the poetry of poets. The novelty of the research is seen in the fact that the types of dialogical relations between lyrical subjects and the city are highlighted. It is shown that Kazan in the works of poets embodies the transpersonal and external in relation to the main lyrical situation and its heroes. It is concluded that in the poetry of R. Kutui, a multifaceted image of the city is created, with which the lyrical hero establishes relations of unity and interpenetration. It is emphasized that in the works of R. Bukharaev, the attitude to his hometown is ambivalent and reflects the “fluidity”, the variability of the “I” position. The results of a comparative analysis of the lyrics of E. Blinova and L. Gazizova are presented: Kazan in the works of E. Blinova is a generalized-typical image that objectifies the stages of the heroine’s biography; the urban world of L. Gazizova is extremely concrete and comprehended as an individual-personal space of life.

Key words: urban text; chronotope; subjective sphere; R. Kutui; R. Bukharaev; E. Blinova; L. Gazizova.

1 The reported study was funded by State Program for Increasing the Competitiveness of Kazan Federal University.

MATERIAL RESOURCES

- Akhunova, N. Ukhozhu. Ushla. Uzhe v doroge ... Poet Elya Blinova [Leave. Escaped. Already on the road ... Poet of Elya Blinova]. In: *Stikhi.ru* [<url>]. Available at: <https://stih.ru/2013/08/09/9533> (accessed 06.05.2020) (In Russ.).
- Bukharayev, R. R. (2011). *Izbrannyye proizvedeniya: Kniga stikhov* [Selected works: Book of poems]. Kazan': Magarif — Vakyt. 415 p. ISBN 978-5-85247-493-3 (In Russ.).
- Gazizova, L. R. Gorod [Gorod]. In: *Lenta Kazani* [Lenta Kazan]. Available at: <http://www.1000kzn.ru/article/ru/61/73/> (accessed 10.09.2020) (In Russ.).
- Gazizova, L. R. (2013). *Lyudi fevralya* [People of February]. Moskva: Voymega. 60 p. ISBN 978-5-7640-0137-1 (In Russ.).
- Kutuy, R. (1993). *Pesnya vechernyaya: stikhi* [Evening Song: poems]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 264 p. ISBN 5-298-00999-9 (In Russ.).
- Kutuy, R. (2006). *Profil' vetra: stikhi* [Wind Profile: poems]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 383 p. ISBN 5-298-03993-6 (In Russ.).

REFERENCES

- Anzaldúa, G. (2012). *Borderlands / La Frontera: The New Mestiza*. Aunt Lute Books. 312 p. ISBN-13: 978-1879960749; ISBN-10: 1879960745.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Eстетика словесного творчества* [Esthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo. 445 p. (In Russ.).
- Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. Univers: Reya. 615 p. ISBN 5-01-004408-0 (In Russ.).
- Berry, E., Epstein, M. (1999). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martins Press. 340 p. ISBN 978-1-349-42157-2.
- Bondarenko, V. (2011). Slavyanskiy podvoy k tyurkskomu dichku [Slavonic rootstock to the Turkic wildling]. In: *Bukharaev, R. R. Izbrannyye proizvedeniya: Kniga stikhov* [Bukharaev R. R. Selected works: Book of poems]. Kazan': Magarif — Vakyt. 373—389. ISBN 978-5-85247-493-3 (In Russ.).
- Broytman, S. N. (2001). *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 320 p. ISBN 5-728100400-2 (In Russ.).
- Galimullina, A. F. (2017). Obraz Kazani v tvorchestve Ravilya Bukharayeva i Lidii Grigorievoy [The Image of Kazan in the works of Ravil Bukharaev and Lidia Grigorieva]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 3: 64—72. ISSN: 1683-6537 (In Russ.).
- Ibragimov, M. I. (2016). Khronotop i identichnost' (na primere tsikla stikhov Ravilya Bukharayeva «Kazanskiye snega») [Chronotope and identity (on the example of Ravil Bukharaevs cycle of poems “Kazan snows”). *Literatura v shkole* [Literature at school], 6: 41—43. ISSN 0130-3414 (In Russ.).
- Korman, B. O. (2006). *Izbrannyye trudy. Teoriya literatury* [Selected works. Theory of literature]. Izhevsk: Institut kompyuternykh issledovaniy. 552 p. ISBN 5-93972-516-3 (In Russ.).
- Levi-Stross, K. (2000). Struktura i forma. Razmyshleniya ob odnoy rabote Vladimira Proppa [Structure and form. Reflections on a work by Vladimir Propp]. In: *Frantsuzs-*

- kaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to poststructuralism]. Moskva: Izdatelskaya gruppa «Progress». 121—152. ISBN 5-01004663-6 (In Russ.).
- Leyderman, N. L. (2005). Russkoyazychnaya literature — perekrestok kultur [Russian-Language literature — the crossroads of cultures]. *Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Russian literature of the XX—XXI centuries: trends and trends], 8: 48—59. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the thinking worlds. Man — text — universe of the mind — history]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 464 p. ISBN 5-7859-0006-8 (In Russ.).
- Mednis, N. E. (2011). *Poetika i semiotika russkoy literatury* [Poetics and semiotics of Russian literature]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 232 p. ISBN 978-5-9551-0482-9 (In Russ.).
- Nebolsina, M. V. (2012). *Tvorcheskaya individualnost' Rustema Kutuya: problemy evolyutsii*. PhD Diss. [Creative individuality of Rustem kutuya: problems of evolution. PhD Diss.]. Kazan'. 200 p. (In Russ.).
- Shafranskaya, E. F. (2014). Mifologiya Kazani v proze Adelya Khairova [The Mythology of Kazan in the prose of Adel Khairov]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universitet. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences], 1: 95—103. ISSN: 2227-6564 (In Russ.).
- Tlostanova, M. V. (2008). *Ot filosofii multikulturalizma k filosofii transkulturratsii* [From the philosophy of multiculturalism to the philosophy of transculturation]. Moskva: RUDN. 251 p. (In Russ.).
- Zaynullina, G. I. (2019). Programmiruyushchaya moshch' kazanskogo teksta (Simvolicheskiye realii Kazani v proze V. Popova, A. Sakhibzadinova, A. Khairova, D. Osokina i R. Bekkina) [The Programming power of the Kazan text (Symbolic realities of Kazan in prose by V. I. Zainullina). Popov, A. Sahibzada, A. Khairova, R. D. Osokin and Bekkina]. *Neva* [Neva], 3: 208—219. (In Russ.).